

18+

Наталия ГИЛЯРОВА

ОРАНЖЕВАЯ КНИГА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
В ЗВАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЮРО
НАТАЛЬИ РУБАНОВОЙ

Наталия Гилярова

**Оранжевая книга. Фантастический
роман в звательном падеже**

«Издательские решения»

Гилярова Н.

Оранжевая книга. Фантастический роман в звательном падеже /
Н. Гилярова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605667-1

Героиня живёт в современной Москве, а герой — на далёкой и прекрасной планете Цитрон. Идеальной планете, полной противоположности Земли. Найдут ли они друг друга? Захочет ли героиня вернуться на счастливую планету, откуда она родом? Книга написана лёгким, воздушным, оранжевым языком.

ISBN 978-5-00-605667-1

© Гилярова Н.
© Издательские решения

Содержание

АПЕЛЬСИНОВЫЙ ГЛОБУС	6
ВЕЩЕСТВО КЕФИРА	8
ПРОСТО ЦВЕТ	10
СУМАСШЕДШИЙ БОРИСАНДРЕВИЧ	11
ПРАРОЛИКИ	13
НА ЕГОРЬЕВСКОМ ШОССЕ	15
СУМАСШЕДШАЯ ЦВЕТКА	17
ЦВЕТКА-КОРОБОЧКА	19
ЛОГИКА ТОПОЛИНОГО ПУХА	20
БОРИСАНДРЕВИЧ – ОТЛИЧНИК	22
НЕТРОНУТЫЙ МИФ	24
ИЕРОГЛИФЫ ЗЁРЕН	25
ДЕТДОМОВСКАЯ ГРОЗА	26
ПЛАСТИЛИНОВЫЙ ПАСС	27
ЯБЛОКО И КВАЗИМОДО	29
«У ЧЕХОВА»	31
ГНУСНЫЙ БЕКАР	33
ПРАКИНО	35
СОВЕРШЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Оранжевая книга
Фантастический роман
в звательном падеже
Наталия Гилярова

Инна Тимохина *Корректор*

"Натюрморт с голубой вазой", Д. П. Штеренберг, 1919 г. (частная коллекция), PD-CC0

Оформление обложки:

© Наталия Гилярова, 2023

ISBN 978-5-0060-5667-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АПЕЛЬСИНОВЫЙ ГЛОБУС

Географичка считала, что каждый ученик пятого класса должен знать, почему глобус круглый. Глобусы ведь всегда круглые! Одни – поменьше, размером с апельсин, другие – побольше, размером с арбуз. Но круглые – всегда. Географичка рассказала про глобусы в четверг.

А по воскресеньям на полдник обычно давали какой-нибудь фрукт. Светка Курская, одна из пятиклассниц, уложив в пригоршне апельсин, пристально уставилась на него. Она подумала, что апельсин – тоже глобус. Он же круглый! Но апельсин – макет другой планеты, неизвестной географичке. Взглядом Светка попыталась вспахать почву апельсина.

Тамошние жители похожи на людей, но они с оранжевыми круглыми как будто нарисованными щёчками. Они летают, но машут не крыльями, а шляпами с перьями. Шляпы эти похожи на шляпу директрисы Галины Петровны...

Один из апельсиниан, летая, крикнул Светке из-под своих сияющих небес:

– А правда, что у вас на Земле насекомые под названием пауки на своих шляпах носят вуали вместо перьев? И вуалью ловят насекомых под названием мухи, и едят их?

А Светка закричала в ответ:

– Вы там что, ангелы?

А они покачали головами, захохотали – и ответили:

– Мы – люди! Но мы живём на Апельсине! Поэтому нам хорошо и мы летаем!

Жаль, апельсиновый глобус не изучают на уроках географии. Светка знала, что он и совсем ни для чего не пригоден, этот её апельсиновый глобус. И лучше о нём помалкивать.

Она жила в детдоме, и самоё имя её – Светлана – являлось результатом особого изыска легкомысленной, сентиментальной, ражей директрисы Галины Петровны. В детдом Светлана, ещё безымянная, загремела прямо с небес – родителей у неё никогда не было.

Она тогда – никому не ведомый сосунок – была белой и нежной. Белые волосы, брови и ресницы, белое личико, прозрачные глаза. Галина Петровна, сидя на своём рабочем месте, со вкусом перебирала сладкие, нежные, пряные имена. Она нарекала девочек Маргаритами, Евангелинами, Ангелинами, Аделаидами, Алевтинами и Каролинами, отыгрываясь за пресность собственного имени. На этот раз её фантазия произвела на свет только Светлану.

Белёсость Светланы всё сильнее уязвляла взгляды. Однако уязвление это не было неприятным. Светлана казалась бела нежной белизною, и даже до умиления персонала, норотившего кто – погладить, кто – ущипнуть. Тем не менее детдомовский доктор отметил в карте, что у ребёнка «синдром альбиноса». При всём том к настоящим альбиносам она не относилась: глаза у неё были очень светло-карими, скорее рыжеватыми, чем красными, и они не боялись белого света. И всё же Светлана казалась слишком светла. А на языке докторов похожесть на что-либо называется «синдромом».

Но, разумеется, все детдомовцы дразнил её альбиносом, всё детство.

Достигнув выпускного возраста, Светлана благополучно перекочевала в общежитие швейного училища, где зажила в комнате вдвоём с одной из однокашниц, Лизой Голубкиной. Им обещали по отдельной квартире, но дом с квартирами ещё не построили. В общежитии и на фабрике Светлану продолжали щипать швеи и мастера – всё за ту же белёсость.

Светлана обитала в мире, где в небе по ночам виднеется рожица Луны, и висит на небесном гвозде привычный, как собственная суповая поварёшка, ковш Большой Медведицы. А среди бессчётного белого мака (попался под клавиши негатив), которым присыпано большое небо над Светкиной планетой, как будто бы нет ничего живого...

ВЕЩЕСТВО КЕФИРА

Она не понимала, зачем Борисандревич пьёт кефир. Каждый день Цветки (которая раньше звалась Светкой) завершался этим мучительным недоумением. Конечно, она бы тоже могла пить кефир. Но она бы, по крайней мере, знала, зачем это делает! Чтобы напиться любовью. И полный пакет показался бы ей пустым – ведь в нём нет любви. Разве что самая малая неудовлетворяющая капля. А Борисандревичу зачем пить кефир? Его не гложет тоска, ему не нужна любовь...

Цветка бела, бледна, в её лице нет жизни. В организме недостаёт чистого вещества любви. Она ищет недостающее везде. Она подметила, что при некоторых обстоятельствах и пищевой продукт тоже содержит малую толику нужного вещества.

Однажды праздновали Новый год за богатым, покрытым новой белой скатертью столом Борисандревича. Цветку корбило от анекдотов, громогласно провозглашаемых хозяином. Без пяти минут полночь его шумная родня – там была и его бывшая жена с опущенными уголками обветшалых губ, дочь, сыновья, и семьдесят семь братьев, – все они обнаружили надпись «Сделано с любовью» на бутылки «Кетчупа» и стали, хохоча, пускать бутылку по кругу. Родня потешалась – что им любовь! Им нужно другое – кому что: свеженький автомобиль, или живая игрушка-пупс, или удобная клюка, или ферменты в желудке, или порядок в стране... А кому-то просто скучно...

А Цветка почувствовала непустоту слов про любовь на бутылки с «Кетчупом»! Поняла, что бывает толика любви в продуктах. Их цена, и их себестоимость, налоги, наценки – если всё это по-бухгалтерски свести, и не сведётся, получится непонятный зазор – это зазор чьего-то безвозмездного старания. А труд, старание, усердие – сердечное дело, близкое любви.

С тех пор Цветка и пыталась выщедить жизненно необходимое ей вещество из продуктов. Зачастую она, чуть живая бредя домой, заглядывала в похожую на фонарь, горящую в ночи лавку и покупала тот самый «Кетчуп». А вообще-то дом Борисандревича был – полная чаша, и родня для него старалась, закручивала банки, от запасов полки ломились.

Цветка заметила, что бывали банки с вареньем равнодушным, а бывали с вареньем добрым. И огурчики солёные – некоторые жалели её, хрустели, утешали, а другие, аморфные, насмехались – амёбы. Мёд попадался трогательный, его пчелы складывали по крупичкам, собирали с душистых сколов лета, и прекрасный. А попадалась липкая дрянь, какая-нибудь патока, подделка – так происходило надругательство над любовью.

Многие одинокие люди, заброшенные старухи, неосознанно ищут в пище любовь. Потерянные женщины болеют булимией и ожирением. Цветка тогда считала себя не потерянной, а ищущей. Она искала любовь. И знала, что если и найдёт это «вещество» в пище, то всё равно слишком мало – для поддержания скудной жизни на час, на полтора, не более. А ей нужна была любовь для всей жизни. И хорошо, если через край – для вечности. Но любовь содержится в слишком избранных продуктах, и в ничтожно малой дозе. И только потому, что она это понимала, не ожирела.

Цветка оставалась крохотной, лёгкой и юркой. Стремительной, как стрелка, – когда по утрам спускалась сперва на лифте с седьмого этажа, потом с девяти ступеней...

А что нужно Борисандревичу в кефире? Ничего. Только сам кефир! Он с удовольствием потягивает и глотает, нежит глотку. И это простое удовольствие недоступно Цветке. Он пьёт кефир на ночь. Тёмный, коричневый, морщинистый – наполняется белым и гладким. Он пьёт кефир со вкусом, толково, как будто знает, что делает. А она – бледная, немощная, и вовсе перечёркнутая усталостью по вечерам, – заполняет себя самым чёрным кофе, и всё равно остаётся призрачной.

Родне Борисандревича недостаёт автомобилей, пупсов, палок, ферментов, порядка – или просто скучно. Лизе Голубкиной нужно выйти замуж. А Цветка испытывает потребность в одном только чистом веществе любви, но нет его в таблице Менделеева!

Ей нужна другая планета в Космосе: целый мир, среда обитания, где всё отлично и специально для людей смонтировано. «Сделано с любовью». Вот она и придумала Апельсин – ещё в детдоме. Такую вот планету. И забыть не может.

Июнь, нежный вечер. Борисандревич пьёт кефир и сладко причмокивает, Цветка, поднявшаяся по девяти ступеням, – кофе, но вкуса у кофе нет. На Цветке яркая летняя одежда, но она не ощущает ни одежды, ни самой себя, как и вкуса кофе. На её бледной коже не оседает пыль бытия. Она – как нарисованная. Ребёнок накалякал её в своем детском альбоме – и сам же перечеркнул – сегодня, как и каждый день. Утром – рисует, вечером – перечёркивает.

Она знает, какой ребёнок перечеркнул её. Тот самый, который щедро разукрасил фигуру Борисандревича и фон для него, расцветил целый лист! Дал ему моторную лодку, тьму родни, и всё, чего он ни пожелает. А ей – ничего, ни капли любви, необходимой для жизни. И один только пустой лист, без фона и красок. Но она сопротивляется вредному ребёнку, пытается ожить, и для этого рыскает в поисках нужного вещества. Она ищет его везде, а не только в продуктах. И для этого каждое утро спускается на лифте, потом с девяти ступеней...

ПРОСТО ЦВЕТ

Оранжевое близко к совершенству. Лисички – оранжевые, и они – неправдоподобны. Вызревают целыми полянками, и червячков от вида их грибной плоти берёт оторопь. Морковь – сладость и яркость в толще земли. Тыква наливается солнечным веществом до чудовищной гипертрофии! Печёная, она источает мёд, как овощная пчела. Цветы календулы целебны. Оранжевые плоды – хурма и апельсины – не культивированы человеком, но и в диком виде неизвестны, потому что они – манна небесная. А невероятные алые ибисы, священные птицы Египта! И огонь – царь веществ, и солнце – царь галактики.

Ещё в детдоме жизнь Цветки смешалась с оранжевым цветом. Не только потому, что по воскресеньям на полдник иногда выдавали апельсин, и она подолгу мечтала, держа его в ладонях и вглядываясь в этот сияющий шарик как в магический шар предсказательниц.

Ещё все детдомовцы носили одинаковые оранжевые курточки. Дети-бродяжки и ничейные дети всегда почему-то именно в таких оранжевых курточках. Ничего более сиротского и вообразить нельзя, чем замызганная оранжевая курточка! А на беспризорнике она ещё и заляпана липкой грязью, и испорчена до потрохов. Но Цветке, на удивление, было тепло и уютно в своей. Если зарыться носом в рукав, можно было увидеть сплошь оранжевый мир-цвет.

И апельсины наряжены в оранжевые пальто с белым бархатным исподом, а их дольки – в прозрачные шелка. Каждая из них начинена колбочками, полными нектара, а у пупа фрукта теснятся особенно нежные дольки-младенцы... Жизнь на апельсине прекрасна. Апельсин – планета любви. Апельсиниане совершенны.

Когда другие воспитанницы стали ярко красить губы, рассказывать похабные анекдоты и хохотать вымученным баском, Цветка начала тосковать по одному из апельсиниан, своему наречённому. Она тосковала по нему так, что считала минуты. Этот апельсинианин – лёгкий, летучий, вдохновенный, любящий, ничего о тяжести земли не знающий...

СУМАСШЕДШИЙ БОРИСАНДРЕВИЧ

На улицах распласталось и потихоньку кисло воскресенье, как кремовая прослойка между коржами – противная, вязкая, торжественная и пустая. Борисандревич приготовил торт. Он любил творить вещи, и вещи удавались ему. Они происходили из его рук, как из рукавов фокусника. Как будто он держал два рога изобилия – в каждой руке по рогу.

Борисандревич – осанистый, самоуверенный человек. Он снимался в рекламе внедорожника «Хаммер». Большие крепкие руки на руле, твёрдый взгляд вдаль. Он ничего не сказал, просто проехал мимо, даже не помахал рукой из окошка. Ему указывали путь два дорожных знака одновременно – зелёный круг светофора и сияющий круг солнца прямо над светофором.

Наверное, неслучайно и эллины, и иудеи полагали, что бог награждает тех, кого любит, именно земными благами. Люди произвели даже само сдобное слово «богатый» от величавого слова «бог». Но никто и никогда, может быть, не наблюдал настолько воочию, как Цветка, бесконечные знаки высшего чьего-то благоволения, касающиеся Борисандревича. А Борисандревич в свою очередь потрафляет своему богу жизни, будучи живым, вполне и по-настоящему живым. Он всё знает и умеет, даже печёт торты. Его бог – шумный и непоседливый ребёнок, живчик, юркий сперматозоид, вторгающийся в небытие, покой и вечность. И некому пожаловаться. Нельзя рассказать даже Голубкиной. Она не поймёт. А в детстве с ней можно было делиться любыми мыслями, особенно во время грозы...

Голубкина – это Лиза, детдомовская подруга Цветки. «Елизавета Голубкина» – плод всё того же щедрого и сентиментального воображения ражей Галины Петровны. Вчера, в субботу, Цветка заезжала к Голубкиной в кафе (она теперь официантка «У Чехова»). Был день рождения Лизы. Она попросила Цветку подарить ей сиреневую шерсть (ну, если сиреневой не будет, можно и синюю, голубая тоже пойдёт). Она много времени проводит в транспорте и вяжет, чтобы ехать быстрее...

Борисандревич и Цветка сидят за столом, в центре стола – торт. Цветка пробует говорить с Борисандревичем. Она рассказывает про Голубкину и про своё вчера. Этот день можно пересказать, он укладывается в слова. Редко какой Цветкин день можно пересказать кому бы то ни было, в особенности Борисандревичу.

– Я выбрала самую прекрасную оранжевую шерсть, и привезла ей два килограмма. Такую красивую, целый пакет! А она расстроилась: «Голубой или сиреневой – не было?» Лиза ничего не понимает! Я объяснила: «Была. Но эта гораздо лучше!» Она всё равно не поняла!

Цветка, жуя торт, перемазала губы в воздушном креме. Отёрла пальцами. А теперь не знала, обо что вытереть руки. Выражение лица у неё при этом было смехотворно грустное. Борисандревич протянул ей салфетку.

– Из оранжевой ты себе закажи свитер, а Голубкиной купи синюю, – посоветовал он.

– Но мне так хотелось, чтобы у неё оказалась самая красивая шерсть! Она же несравненно красивее, вы понимаете, или нет? – вкуса у торта совсем не было.

Борисандревич весело, и при этом серьёзно вникает, припоминает Голубкину. Это – девушка с внушительной кормой, откровенно и радушно предъявляемой на обозрение всему городу, электричкам и учреждениям. Она всегда носит штаны в обтяжку. Летом из тонких, почти несуществующих тряпочек, зимой – кожаные. Всё шерстяное и плотное наматывает выше. Ещё у Лизы избыточные щёки и отвислые губы, негодная землистая кожа. Но ей очень хочется получить дольку благолепия в жизни. Не желает на швейную фабрику. У них с Цветкой одна комната на двоих в общежитии во Фрязино. Каждый день чуть свет Лиза прибывает на электричке, чтобы занять свой пост официантки в столице, «У Чехова», в пути – вяжет, быстро-быстро. Целеустремлённая, старательная, ловкая, но уже истощенная изнутри единственной въедливой мыслью, думает Борисандревич про Голубкину.

А Цветка тем временем рассматривает Борисандревича. Он полон вежливого внимания ко всем деталям и подробностям здешней обстановки, в том числе и к официантке Елизавете Голубкиной. Похоже, ему нравится сама узловатость и шершавость жизни, одутловатость и землистость. Нравится каждая её рытвина просто тем, что она есть. У него вкус к жизни, должно быть, жизнь представляется ему неисчерпаемой, а мир – огромным.

Он работает с бумагами, документами, улаживает чужие дела по доверенностям, помнит все даты, цифры, лица, дорожки. «Частный поверенный» называется такой человек в потрепанных западных романах. А в старые времена в России назывался «стряпчий». За старание и умеренность Живчик наградил его достатком и благополучием. Крепкими ступнями упирается Борисандревич в Землю. Огромный, с размашистыми морщинами внахлест, с коричневой непроницаемой кожей, с чёрными воронкообразными ноздрями, сильный и благополучный, не знающий разочарований.

Удивительный он человек! Понятно, когда апельсинианин спокоен и радостен, он живёт безмятежно, состояние его души – вечная лёгкость. Его планета Апельсин специально создана, и всё её наполняющее изготовлено для людей. Он сам прекрасен.

Но когда корявый житель жёсткой Земли вдруг безмятежен и радостен, это значит – он потерял связь с реальностью, забыл, где находится, и в этом своеобразном забытии воображает себя в безопасности. Значит, Борисандревич сумасшедший?

ПРАРОЛИКИ

Цветка мысленно бывала у апельсиновых людей дома. Там, пройди хоть тысяча лет, не расшатается стол, не треснет посуда, не перегорит лампочка. Ничто не зашуршит, не звякнет самоchinно. Не сорвётся даже полотенце с крючка! Вещи не живут собственной жизнью за спиной апельсиниан. Потому что на этой планете по-настоящему живы только люди. Да ещё фантазмагорические существа – звери, птицы, рыбы.

Окружающая среда – всего лишь обстановка, просто декор, смонтированный для живых. Вещи служат живым. Апельсиновая земля дана им в пользование. С горы не скатится камень, не сойдёт снежная лавина. Апельсин совершенно антропоцентричен. Над планетой потрудился талантливый мастер, он всё сделал превосходно, потому что он – эстет.

И растительный мир – со всем многообразием форм, ароматов, плодов, со свежестью росы, шуршанием крон и осыпанием резных листочков – придуман, воплощён, но не живёт собственной жизнью, а только прекрасный фон для апельсиниан. Траве не больно и не страшно когда её топчут или стригут газонокосилкой. Клещ не пожирает прекрасные калатеи. Деревья не гибнут под пилой и не плачут смоляными слезами. Всё это просто цветёт, пахнет и радует людей.

Цветка как раз прочитала сказку Андерсена «Ромашка». В ней существовал особенный растительный мир с цветком, чьим предназначением было тешить людей. И когда они заметили ромашку, её судьба сбылась. Цветок не стал сожалеть о жизни, когда его сорвали: наоборот, ему стало радостно. Очевидно, Андерсен верил в жизнь на Апельсине. Может быть, он тоже догадался в школе, на каком-нибудь скучном уроке, что существует планета, где, плетя венки из одуванчиков, дети не ущемляют живое?

Апельсин полон фантазмагорических живых существ (ведь Эстет, создавший планету, обладает бесконечной фантазией). Но ни одно существо не пожирает другое. Зачем нужно это извращение, которое никто на Апельсине и в страшном сне не выдумывал? Эстет – Этик. Звери и рыбы в его мире улыбаются.

А пищу Этик творит из ничего, и она, стоит попросить, просыпается манной небесной. Диковинные звери прохаживаются перед людьми, демонстрируя сталь, – они знают, что люди обожают на них дивиться. Но только зоопарки для этого – самая неудачная выдумка. Звери играют с апельсинианами или меж собой, как щенки. Они никогда не бывают голодными, ободранными, замёрзшими и обречёнными. Разумеется, на Апельсине нет ни живодёрен, ни боев. Ни живодёров, что самое удивительное.

Нет и обречённых на холод и голод людей, нет бомжей – хоть обойди всю планету. Нет немощных, почти неживых. Никто не погибает оттого, что не может добраться до булочной или аптеки. Оттого, что нет денег на лекарства – и при этом непосильные коммунальные платежи. На Земле, бывает, официальная бумага о повышении тарифов становится приговором немощному даже не потому, что у него нет требуемых грошей, а потому как нет сил доползти до казённого места отдать последнее...

Немощные на Земле обречены печься о грошах, да ещё изнывать под пятой сильных, которые гребут остатки их жизней походя... А ведь одни только просторные, великие мысли могли бы проветрить тоску прозябания немощных! Не говоря уж о том, что им нужно репетировать свободный полёт, освобождаться от страха, от груза мелких тревог, а их мучают новыми правилами расчётов и пересчётов грошей. Которых не остаётся ни на лекарство, ни на пару крыльев...

На Апельсине нет немощных. Нет больниц, этих копилочек боли и страха, с их мрачными коридорами и ослепительными истинами. Нет болезней, как нет забот и волнений. Никаких

измученных лиц с опущенными уголками губ и унылыми морщинами. Лиц, обезображенных страданиями. И злобных лиц с чудовищными порочными чертами.

И даже нет от природы не вполне удавшихся лиц и фигур, таких как у Лизы. Никаких даже косметических дефектов. И нет больных увядающих детей.

Все красивы. Легки, вертявы, грациозны и радостны. У апельсиниан сухая грация не плоти, но костей. И красота сама по себе придаёт миру ещё безмятежности, потому что в ней – осмысленность. Апельсиниане ласковы и спокойны. Они не обижают, не мучают, не предают друг друга. У них нет войн и катастроф.

А всё потому, что тамошний мир лучше сложен, чем земной. Добротой сделан настоящим мастером. А земляне, лишённые мира, где всё для них было бы прилежно изготовлено, настоящего своего мира, страдают...

Там нет смерти. Не нужны территории под кладбища и силовые упражнения с гробами. На охристых проспектах Апельсина не встретишь ритуального автобуса. Никто не произносит нравоучительно: «Помни о смерти». Никто и не помнит, и не знает. Это же противоестественно – тление. И то, что происходит в крематориях. Если апельсинианин идёт гулять, апельсинианка знает, что он вернётся, и даже его роликовые коньки никогда не сломаются!

А ролики апельсиниан – не те, на которые подростки в Европе взгромоздились в начале двадцатого века, разогнались и всё не могут затормозить... Не те, которые, согнувшись, нужно прикреплять к ногам. Ролики – шары из блестящего крепчайшего естественного материала – изначально вживлены в пятки и выпуклости стоп апельсиниан, подобно бессмысленным звериным ногтям землян. И они носятся на собственных ногах так, что у них замирает дух и веселится душа. Какой же апельсинианин не любит быстрой езды!

А из промыслов на Апельсине процветают искусства.

НА ЕГОРЬЕВСКОМ ШОССЕ

Цветке Борисандревич кажется неживым, и от этого ей бывает страшно. Деятельный, жизнерадостный, громогласный – но неживой. Огромные кости трещат. Он подвержен радикулитам: иногда с трудом ковыляет по дому. Но с каким удовольствием он тогда заматывается в лечебный пояс – и смотрит телевизор, и растирается мазью, и побрякивает! Доброжелательный, заботливый, но неживой. У него – тёплое тело, но он неживой. Не вполне живой, не той жизнью живой – ненастоящей.

Так существует, в тех же пределах, но по-своему, тёплый сильный подвижный пёс. Или посиживает на спинке стула большекрылая ручная птица, петух или ворон. Человеку с ними одиноко – без другого человека.

Воспринимая Борисандревича неживым, или не совсем живым, Цветка в то же время точно знала, что он живее её во сто крат по странным земным меркам. Приникнув к нему, ощущала тепло жизни, и даже жадно вбирала это спасительное тепло, потому что без земного тепла на Земле – гибель. А она по-земному как раз неживая. Но по-настоящему – единственная живая на всей Земле. А в жизнь Борисандревича ей поверить невозможно. Как учёному – в существование дракона.

Он нашёл её за городом, ночью. Катил по Егорьевскому шоссе, возвращаясь из Гжели, где улаживал чужие дела. Он устал, но устал безмятежно. Не был ни раздражён, ни взволнован. Борисандревич не презирал корысть своих клиентов, не досадовал на их глупость.

Снисходительность – одно из его украшений. О себе он отзывался так:

– Я совершенно обычный человек, реалист.

И точно, у него огромные устойчивые ноги, громоздкие – всегда блестящие – ботинки.

Он возвращался в уютную Москву после тягучего трудового дня по совершенно пустынному ночному шоссе, по рельсам, просвеченным лучами фар. И заметил зыбкий тонкий силуэт, хрупкий маленький остов, подволакивающий ногу, с острыми плечами и низко склонённой головой, пугающий бездомностью и странностью. Фигурка непостижимым образом двигалась ровнѐхонько посреди шоссе, не реагируя на свет фар и гудки. В той стороне, куда она топала, в стороне города, не было человеческого селения ещё километров шесть – одни леса и болота. Борисандревич объехал её, затормозил и, оглянувшись, закричал:

– Эй, поосторожней! Вы – посреди шоссе!!!

Обычно он говорил то, что нужно, рассказывал анекдоты, или уж вовсе молчал. Теперь он счёл своим долгом предупредить опрометчивую пешеходку.

Молчаливая фигурка обошла машину и потопала босыми ногами дальше. Борисандревич успел разглядеть её – не ребенок, и не старушка, а девушка. Растрёпанная, мелкая шмакодявка с хорошеньким личиком. А босые ступни – нежные, белые. Глядя на эти ноги, он припомнил вкус белейшей начинки глазурированного сырка. Невесть откуда доносилось позвякивание колокольчика, какие заботливые хозяева вешают на шею козам.

– Ты заблудилась? – снова закричал он.

Девушка обернулась и вяло поинтересовалась:

– А сколько времени?

– Поздно! Садись, подвезу. Я в Москву.

На носу белых «Жигулей» была наляпана фасонная оранжевая клякса. Если бы за ветровым стеклом болтался красный сеньор-помидор, мохнатый Микки-Маус, или картонная иконка, Цветка побрела бы себе дальше пешком. Но оранжевая клякса заманила её в машину. Такие кляксы из мха разбросаны и в лесах, на земле и в кустах, и по такому лесу идти нестрашно и радостно: ждёшь откровения и чуда...

Борисандревич по дороге выяснил, что девушка выросла в детском доме, выучилась на швею, в подмосковном Фрязино получила угол в общежитии и место на фабрике.

– Почему же ты в другом конце Московской области? – разумно усомнился он.

– Ехала на электричке, сошла на . Тут лес такой. Просто погулять, – непонятно объяснила она. *Сорок первым*

Борисандревич не стал уточнять, куда она ехала на электричке. Просто погулять?

До сих пор он знал о современных девочках только понаслышке. Что они глупые и жадные, не такие, как те, что девичествовали в его время. Борисандревич сторонился их и предпочитал обретаться среди зрелых и разумных существ, пусть чертами грубоватых, но ему понятных и во многом полезных. А эта бродяжка к тому же ещё и детдомовская, то есть заведомо ненормальная, необразованная, непредсказуемая. И дома в городе у неё, как выяснилось, нет, и везти её некуда.

Квартира у Борисандревича была в центре, огромная, в сталинском доме, с тёмным коридором, старым, навеки затоптанным паркетом, необъятная и невозделанная. Борисандревич, дивясь собственной доверчивости, привёз бродяжку к себе.

Поставил будильник, как обычно, на шесть пятнадцать, но ночь оказалась странная, не было сна. Пришли воспоминания о детстве, вспомнились сказки, маячила перед закрытыми глазами бродяжка на пушистых перинах, а под ними – маленькая, твёрденькая горошина. Неспелая, должно быть. Несладкая, невкусная, из неудачной банки. Горошина эта мешала заснуть Борисандревичу.

А бродяжка не ушла ни на следующий день, ни через день. Хозяин не гнал её. Она оказалась тихой и милой. Тронутая, как он и предполагал, будто потерянная. Она ничего не говорила, просто по утрам, уходя, не убирала свои простыни с дивана, по вечерам звонила в его дверь, молча ужинала вместе с ним, смотрела телевизор и тихонько ложилась спать.

Борисандревич удивлялся себе. И преувеличенное недоумение по этому поводу демонстрировал перед роднёй. Родни ведь у него было в изобилии, как и всего на свете. А преувеличивать недоумение приходилось, потому что на самом деле никакого недоверия не было. Борисандревич не мог опасаться этой диковатой бродяжки, явно непричастной никакой подростковой преступности, безобидной и вообще нездешней. Скорее он стыдился перед роднёй своей впечатлительности.

Борисандревич удивился бы по-настоящему, узнай он тогда, что у тронутой девочки есть цель, есть дело. И его огромная квартира в центре Москвы – для неё стратегическая точка.

Один из дней всё же сцепил их крепкой телесной близости – оба считали, что так должно быть, и смирились с неизбежным. Странное сосуществование несовместимых существ длилось уже год. Каждый день был похож на предыдущий. Борисандревич ездил по делам, она бродила невесть где. Вечером они встречались, но говорили только о постороннем, да о мелочах, об оранжевой шерсти например. И то редко. Дом оставался как был – невозделанным, не вполне жилым. И Цветка обращалась к хозяину дома на «Вы».

СУМАСШЕДШАЯ ЦВЕТКА

Вначале Борисандревич звал её просто Светка.

Вечерами она возвращалась домой, еле волоча ноги, вялая и безжизненная, как побитая. На все вопросы отвечала, что гуляет по улицам... Наконец, почти через год сосуществования, Борисандревичу всё же стало любопытно, где она «гуляет», и он решил понаблюдать за ней.

Утром Светка метнулась с девяти ступеней, шустрая, стремительная, как стрелка. На метро добралась до Полянки (он – в соседнем вагоне). Пошла по улице, озираясь по сторонам, уже не такая стремительная и уверенная. Заметила зазывную афишу, и завернула на выставку кошек.

Там побродила (наблюдал из соседнего зала), посидела в уголке, будто ждала кого-то. На кошек взглянула только мимоходом, а Борисандревича и подавно не заметила. Никого не дождалась, вышла...

Оттуда её понесло на Таганку. Побродив по Большой Коммунистической, юркнула в кафешку с заманчивой вывеской «Блюз» и пугливо уселась за столик. Борисандревич смотрел через большое окно. Светка, поволынив за столиком, помусолив меню, с тоскою взглянув на официантку, заказала рюмку розового мартини, и на удивление жадно выпила.

За соседним столиком расположилась расфранченная дама с шампанским и кудрявым юношей, а несколько поодаль – безобразная, неоформленная, склонная к расширению компания. В этом окружении Светка совсем съёжилась и замерла, а потом, когда официантка отпустила её, тихонько выскользнула.

Долго брела, мрачная и понурая, зигзагообразным маршрутом, шаталась по подворотням, пока не устроилась на крылечке в одном из дворов. Села, опустила голову и обхватила её руками. Там просидела дотемна. Борисандревич истомился недоумением, стоя за углом.

Неужели вот так бессмысленно она и проводит каждый день? И на завтра он опять последовал за ней: даже отложил важное дело.

Она выбежала из дому опять свежая, быстрая, как стрелка, с сосредоточенным лицом, сжатыми губами. Доехала до метро «Проспект Вернадского», вышла и понеслась напрямик в дельфинарий. Он вспомнил, как вчера в переходе метро она задержалась перед афишей. Внизу, под цветной фотографией сияющего мокрыми боками дельфина в прыжке, заковыристыми буквами было набрано: «Есть древнее предание: кого поцелует дельфин, будет счастлив в любви. В конце представления дельфин Егорушка целует одного из зрителей».

Но Борисандревичева бродяжка не дождалась кульминационного поцелуя. Она спустилась с амфитеатра так внезапно, что Борисандревич почти упустил её из виду. Но догнал. Она еле-еле тащилась. На метро добралась до Старого Арбата. Купила банку пива и устроилась у фонтанчика. Но сидела недолго – шарахнувшись от первого же прохожего, задавшего праздный вопрос, убежала.

Борисандревич продолжал недоумевать. Он не находил объяснения её поведению, не видел мотива. И тогда он заключил, что мотива совсем нет, просто девочка тронутая, потому и слоняется без толку. Он успокоился уверенностью, что решил эту задачу так же правильно, как решал все задачи до сих пор.

Но он не решил. Он не понял, что Светка ищет апельсинянина. А пока ищет, читает Землю помимо воли – строки метро, улиц, дворов... Грязь, хромая собака, затоптанный луч...

На третий день Борисандревичу было уже неинтересно наблюдать. А она как раз в тот день явилась измазанная оранжевой краской:

– Села на покрашенную скамейку.

Джинсы, куртка, сумка и перчатки – всё пришло в негодность. Борисандревич завернул её барахло в большой лист газеты и затолкал в мусоропровод. А на следующий день девчонка пришла опять измазанная в той же оранжевой краске.

– Ты опять села на ту же скамейку? – захохотал он.

– Да, – призналась она, – скамейка меня притягивает. Ведь оранжевой планеты нет на свете, так какая разница?

– Может быть, лучше будешь рисовать красками, чем сидеть на них?

Борисандревич подарил ей коробку красок. И прозвал Цветка вместо Светка. Но она не рисовала, она всё так же шлялась. Только полупрозрачный бочонок с густой насыщенной оранжевой гуашью достала из коробки и поставила на прикроватный столик.

ЦВЕТКА-КОРОБОЧКА

Борисандревич показал Цветке свои книжные полки.

На одной, как на запасном пути, стоял целый поезд, составленный из внушительной цепи вагонов, на табло обозначенный как «Жизнь Замечательных Людей». В каждой такой книге сидело по одному пассажиру, с пиететом поданному проводником вагона зевакам, прилепившем носы к окнам.

На другой полке хранились книги с историями: экзотичных племён, природы, стран и вещей. Все эти истории помещались на жёлтых и растрёпанных страницах. Там же стояли тяжёлые энциклопедии. Одна из них на полном серьёзе была посвящена насекомым. В ней Цветка нашла похожих на миниатюрные грузовики существ, прочитала про их устройство, невероятную оснастку, всякие приборчики для выживания. Но всё зазря, маленький живой грузовичок живёт недолго... Цветке стало грустно от этой энциклопедии. А историю жизни человечества читать было и вовсе невыносимо больно. Люди живут почти так же недолго.

Ещё на полках обнаружились поэтические каракули в плотных томиках. Мифы и изречения мудрецов хранились в серой бумаге. И глянцевые, как молодые яблоки, художественные альбомы. Ни мудрецов этих, ни даже художников уже не было на свете...

Благодаря Борисандревичу Цветка поняла, насколько до сих пор была невежественна. И всё сколько-нибудь ценное, из того, что Борисандревич предлагал её вниманию, она глазами старательно собирала со страниц, как садовница клубнику, и хранила в черепной коробке, как в корзине, чтобы поделиться с апельсинианином, Егорушкой (так она прозвала его после того, как увидела дельфина). Когда он будет рядом с ней. Хранила как скряга, как Коробочка. Без Егорушки ей ничего не было нужно, и даже самые фактурные куски земной обстановки оставались несбывшимся мороком.

Благодаря книгам она теперь знала, куда нужно идти, чтобы найти апельсинианина! Хотя в них ничего про него и не было написано.

И ещё она стала разумнее. Раньше и не задумывалась над тем, как он узнает её, если они случайно встретятся в толпе, как отличит от мириад других девушек. Надеялась только на себя. Может быть даже они с апельсинианином уже встречались, но прошли друг мимо друга, неузнанные. И остались одинокими... Теперь она поняла, что нужно делать.

ЛОГИКА ТОПОЛИНОГО ПУХА

Утром Цветка слетела с девяти крутых ступеней парадного крыльца, неся над собой надежду. Её волосы сияли оранжевым. На это сияние пошли шампуни медовой тягучести, самые сложноприготовимые бальзамы, яичные желтки, французские краски, неутомимый труд всех десяти пальцев и томительное время. Поэтому она вышла не очень рано. В час, когда уже тепло. Теперь апельсинианин легко выделит её из толпы землянок!

При входе в библиотеку она прочла, что там требуется уборщица. Холл был занесён тополиным пухом, как снегом. Цветка стала подниматься по лестнице, а пух валом валил по ступеням ей навстречу, овеявая щиколотки и щекоча. Так наглядно это было, по прописям! Нет уборщицы, подметать некому, и вот тебе, пожалуйста – помещение занесено пухом. Так и с апельсинианином. Пока нет его – Земля пуста, не прибрана.

Она не знала не только, как его зовут, но и существует ли он. Но если существует, то бывает в библиотеке – в этом заключалась её идея. Запах старых книг приятен ему, он любит читать, играет в мысли, как ребёнок в кубики. Ему нравятся библиотечные пыль и хлам. Ей же нравятся. А что он заглянет именно в эту библиотеку... Конечно, вероятность мала. Но ведь надо было что-то предпринимать, куда-то идти навстречу ему. Потому что без него невозможно.

Безмерно скушающая библиотекаря сидела, держась за щёку, как будто у неё болел зуб, и пустыми усталыми глазами смотрела сквозь Цветку. Из невзрачного хвоста её волос выбилась серая прядь. В библиотеке не было больше ни одного посетителя. Цветка шныряла между книжных шкафов, как юркая мышка. Заглянув во все щели, она поплелась прочь...

Она не искала инопланетянина с другой планеты, ею же придуманной, она же не была совсем сумасшедшей, как полагал Борисандревич. Она искала инопланетянина с Земли – просто человека, исполненного особой жизни. Со склянкой любви в груди. Любви без примесей, как на планете Апельсин. Лёгкого, летучего, любящего, вдохновенного, как апельсинианин...

Где же он? Ведь люди – не бусины, бессмысленно закатывающиеся куда угодно. Пути человека подчиняются логике. Человек стремится куда-то. Так пути Цветки подчиняются обету найти инопланетянина, и причал её назначен около него. А куда мог податься он? Как узнать? Можно только догадываться.

Сегодня она не угадала. Пережив разочарование в библиотеке, уже не знала, куда идти... Блуждала по городу беспорядочно, в надежде, что их пути пересекутся случайно. Июньское солнце не жило улицы в золотистом свете. Цветка не ощущала этой неги и этого тепла. Каждая минута без Оранжевого ей мучительна, под рёбрами жжёт острым перцем. Надежда слишком ничтожна. В черепной коробке черно, как на чердаке. Только волосы искрятся.

Устав, она осела на лавке в чужом дворе. Надежда зачерствела. Сегодняшний путь, несмотря на все старания, и разумный план, завершился в подворотне. А ещё два часа назад казалось, это так возможно – встретить апельсинианина, услышать его шаги! Невозможно.

У соседней лавки кучковались девочки и с ними мальчики, и девочки очень кокетливо сквернословили, а мальчики гоготали девочкам в лица. Цветка подслушивала и подсматривала – бесприютно, одиноко.

Почему она вообще допускала мысль, что такой невероятный человек может существовать на самом деле? Как будто чувствовала. Может быть, действовал человеческий инстинкт, усложненный по сравнению со звериным? Зверь знает, что где-то есть вода и мёд, соль и трава, тепло и юг: человек знает, что есть совершенство и есть счастье. Поэтому апельсинианин существует. И она его встретит. И не нужно будет больше метаться, искать. А прижаться ухом к животу Егорушки и слушать шум его жизни, как некоторые слушают морские раковины. Это – покой. Это – причал. Это – счастье...

Но нет Егорушки на Земле. Нет никакого инстинкта, одна выдумка. И Апельсин придуманный. Апельсинианин может жить только там – на придуманной планете.

Цветка сидела в чужом дворе, вся пропылённая. С лавки свешивались её обессиленные ноги в изящных оранжевых носочках. На окуроченной земле у ноющих и плачущих ног валялись босоножки. Замшевые, рыжие, с высокой шнуровкой и позолоченными концами шнурков, с ещё здоровой пушистой шкурой, только извалянной в пыли, но с совершенно уже стоптанными подошвами. Она не первый год таскала их. Зря. Волосы растрёпаны, жалки и вообще не нужны, как негодный театральный реквизит.

Приближалась ночь, Цветка тащилась домой – в бесприютное пристанище, где проведёт ещё одну безнадёжную ночь, а утром, едва выработав немного вещества надежды, опять уйдёт прочь за Егорушкой, хоть его и нет на свете. И зря будет мечтать никогда не вернуться к Борисандревичу.

Она не радовалась удобному пристанищу у этого случайного человека. А Борисандревич был доволен. Всё, что он делает, всегда нравится ему, как кефир, а она сама нравится, как начинка глазурованного сырка.

Цветка преодолевала страшный урбанистический мост – Большой Каменный. Серые камни вставали на пути, визжал транспорт, несмотря на ночь. Перила там – непригодные для рук. А Москва-река, подобно канавке в песочнице, утыкана неуместными во мраке и холоде детскими игрушками. Там и церковь с фонариками, и солдатик с подозрительной трубой на кораблике. Похоже, играл бессмысленный великанский ребёнок, и забыл игрушки, когда пришла взрослая бесприютная ночь.

– Эй, девушка, не меня ищите? – сдавленное бормотание какого-то дикого прохожего, оскал его зубов.

Чем искупит криворукий Живчик эту мерзость? Этот мост, все скалящиеся на неё зубы, сквернословие в подворотне? Уродство, бесприютность, жесткость и пустоту? Ему будет нечем искупить. Потому что райские кущи не годятся, даже если он их предоставит потом, после тления. Ведь мерзость – теперь, мерзость – настоящее. Или он и не думает искупать, ему нипочём справедливость? Живчик и есть бессмысленный великанский ребёнок, который играл, и побросал игрушки? И её забыл на этом мосту? А она по своей маленькой воле, по собственному незаметному во Вселенной почину прётся и прётся вперёд, ищет апельсинианина, которого тот же Живчик запихнул невесть куда, как нелюбимую игрушку. Только Егорушка может искупить холод и страх, стёртые ноги и отчаяние этой минуты. И всю Землю. Да каким же он должен быть несусветным!

Она расскажет ему и про этого дикого прохожего, неотличимого от вереницы других таких же. Она специально не забудет и эту ничтожную зубастую тень, эту минуту. Оранжевый выслушает своими невинными ушами, и жуть будет искуплена. Скалящегося монстра не станет, обиды не станет и всего отвратительного мира, а она, Цветка, наконец оживёт. И о Борисандревиче она расскажет Егорушке. И неживой этот человек исчезнет со свету, как только о нём услышит апельсинианин. Борисандревич будет искуплен, обратится в корявый пенёк на обочине Егорьевского шоссе. Потому что Оранжевый лучше мира, и одного только его существования достаточно, чтобы мир искупить.

БОРИСАНДРЕВИЧ – ОТЛИЧНИК

Цветка нажала на звонок. Она всегда звонила, прежде чем на шаривать свои ключи. Если дверь открываешь ключом, значит, за ней – пусто. Пусть уж лучше Борисандревич, всё-таки живая душа. Она жала и жала на кнопку. Тяжёлые старые доски дверей звенели по-осиному. Хозяин впустит, усмехнётся и не спросит, где она шлялась, ему незачем. Он-то знает, что инопланетянина она не найдёт. Он всё знает. Потому что понимает, что здесь не Оранжевая планета, заселённая прекрасными апельсинианами, а пустая планета Москва. Он – «реалист».

Борисандревич не отзывался. Цветка с тоскою отворила дверь, скинула пропылённые рыжие босоножки, поставила в холодильник бутылку «Кетчупа» и принялась слоняться по комнатам, беспомощная, как впервые в чужом доме. Она не могла даже подогреть чайник в одиночестве. Чайник был непосильно тяжёлым и громоздким. Чайник был ненужным. В нём не было любви.

А недавно, в детстве и в самом истоке юности, ещё существовали некоторые уютные ложбинки в мире – хотя бы рукав оранжевой куртки или изумрудный пригорок. Немного хуже она помнила – белую дюну, и совсем смутно – проточенный пружинами матрас в прогретом солнцем детдомовском сарае, где спала, пока другие играли в свои жестокие игры. Теперь нигде не стало покоя. Даже купающийся в апельсиновом солнечном соке лес – пуст. Дома не содержат больше уюта, как будто прохудились.

Бомжи почему так несчастны? Их несчастье в том, что нет для них места, где спокойно и никто не обидит. Им нужнее сказочных хором – уютная нора. Голубкина, например, думала, для Цветки есть такое место – большая квартира Борисандревича. Но его не было! Живчик преследовал Цветку повсюду, а особенно у Борисандревича, где он почти осязаемо присутствовал, поселился, как домовый.

Живчик любит, наверное, лезть. Он негодуёт, потому что ей не нравится на его Земле. Но он сам обделил Цветку всем, а теперь не оставил и покоя. Зачем спрятал от неё Егорушку? Почему на его Земле так пусто и не прибрано, так страшно? Как же он может требовать благодарности?!

Цветка услышала лёгкое постукивание по стеклу. Вздрыгнула, оглянулась. Борисандревич глядел на неё из темноты, с балкона. С усмешкой. Она сперва смотрела растеряннно – сидит там, за стеклом, и барабанит. Потом догадалась, что он заперт, подошла и повернула крепкую ручку балконной двери. Борисандревич вышел и потянулся, его кости затрещали, как крошки в костре.

– Как я загорел, отдохнул! Жаль только, у нас на балконе цветочки не растут...

– Я не знаю, как это получилось, извините... – смутилась Цветка.

Она поняла, что днём, спеша в библиотеку, по рассеянности закрыла хозяина дома на балконе.

Жизнь его для неё неуловима, зато этот мир признаёт его живым, льнёт к нему, растягивается перед ним. Вот и балкон радушно его принял и содержал, и развлекал до её возвращения. А он, и этого нельзя не ценить, охотно делится своими приручёнными вещами. Иногда Цветке удаётся голодными глазами увидеть краешек его уютного жилого мира – его Земли. Но войти – никогда.

Он поставил чайник. Звенел, бренчал, ходил, шаркал, ударял дверями, громко сморкался, гремел водой. Вокруг него всегда шум, предметы радостно бьют в барабаны – какой у кого есть. Цветка смотрела, слушала, и как будто тоже немного участвовала в жизни Земли. Уже не металась, не переживала свою неприкаянность. На время отпустили душевные судороги – стало возможным вспомнить, что случилось, основную беду:

– Земля – клетка. И люди все – неживые... не бывает других людей. Вот что страшно – не бывает другой жизни... Некуда деться с этой Земли.

– Это ты всё про свою Оранжевую планету, которую ни за что не хочешь рисовать?

Ну зачем её рисовать? Рисунок не оживёт. Ей же нужна настоящая планета. Мечтами она сыта по горло.

– А как ты представляешь себе внеземную жизнь? – любопытствовал Борисандревич.

– Счастливой...

– Не знаю, насколько Оранжевая планета приспособлена для счастья, но она как раз существует. У неё есть и научное название, Цитрон, – уверенно произнес Борисандревич.

– Откуда вы знаете? – спросила Цветка, лицо её посерьёзнело, губы сжались.

– В школе проходили. Пойдём, покажу...

Он вывел Цветку на балкон.

– Видишь, сколько звёзд? А вон – планеты. Нет, я не смогу показать тебе Цитрон. Зря мы вышли на балкон. Он яркий, оранжевый, но его невозможно увидеть с Земли. Никак невозможно! Цитрон ходит по той же орбите, что Земля, но напротив, так что всегда заслонён Солнцем. При таком раскладе никакой телескоп не поможет. Он близко – и довольно велик, – но увидеть его нельзя почти никогда...

– Там нет жизни?

– Учёные предполагают, что на нём возможна жизнь, более того, формы её наиболее приближены к земным. Все условия похожи на земные – то же расстояние от солнца...

– И люди есть? – Цветка вглядывалась в его лицо.

– Пожалуй.

Она впервые пожалела о том, что в школе, вместо того чтобы учить географию, мечтала. Она впитывала утешительные слова жадно, как целебную микстуру. Ведь это говорит Борисандревич, «реалист»! Лоскут надежды с радостным треском оторвался от обыденности... Апельсин существует! И на нём могут жить апельсиниане! Егорушка, возможно, инопланетянин. Даже скорее, чем землянин. Всё сходится! Теперь всего лишь нужно ей добраться до Цитрона, либо ему спуститься на Землю...

– Ты бы посадила на балконе цветочки, а?

Борисандревич вернулся в комнату. Цветка ещё посмотрела в пустое блеклое небо. Нет надежды! Из жалости этот добрый человек забавляет её выдумкой с «цветочками». Как и той коробкой красок, которую подарил ей весной, когда везде красили скамейки. И Цитрон он для неё придумал из жалости. Может быть, днём, пока сидел на балконе. Он знает, что она чахнет без этой планеты. Что ей никуда не вырваться, что она – на птичьих правах на Земле, что она не приспособлена для жизни по здешним законам. Он знает, что инопланетянина нет на свете. И что запасы её надежды исчерпаны. И питает надеждой. Напрасно.

НЕТРОНУТЫЙ МИФ

Кроме того, что сухой строкой значилось в учебнике школьника Бори, того, что, сжав зубы, с оглядкой цедила наука, существовал и красочный древнегреческий миф об Оранжевой планете. Но толстый том Гесиода, заключающий в себе этот миф, покуда пылился на книжной полке Борисандревича, нетронутый Цветкой.

Миф неслышно для Цветки, в тени полки, повествовал о том, что некогда был Хаос, и ничего кроме Хаоса. Хаос – первобытный, ужасный – и стал прародителем всех богов. Порождённые Хаосом боги – бесполые существа, благодаря непредсказуемости и невоформленности Хаоса – бесконечно разные.

Среди них есть исполины со светлым разумом и великой душой, и прожорливые насекомые, не имеющие ни чувств, ни способностей, и никаких идеалов подавно!

Одно из порождений Хаоса – Эреб, или мрак. Это существо до того лениво, что смастерило себе планету-люльку, в которой целую вечность качается, грезит и смотрит сны – полумесяц.

Другое порождение Хаоса, Метида, или мысль, имеет совершенно определённые очертания. Радуюсь им, но ими и ограниченная, она вечно смотрится в Мировое Зеркало, множащее Космос до бесконечности, а с ним и мысль-Метиду. Свои формы Метида совершенствует первоодеждами и первоукрашениями, коих у неё множество и разнообразие, и все они подарены отцом.

Самое младшее и похожее на Хаос существо – Хепри, Скарабей, или Навозный Жук, пранасекомое.

Старшее, Эрот-Агапия, – натура утонченная, грезящая гармонией Космоса. Эстет и этик, о четырёх ногах, четырёх руках и голове с двумя лицами – он андрогин.

Однажды утром Метида просыпала бусины... Сияющие, они сразу привлекли внимание эстета и художника – андрогина Эрота-Агапии. Эстет взял одну из бусин и повесил на чёрном бархатном фоне (это и был прабархат) в пустом космическом пространстве. И хотя одинаковых бусин было просыпано великое множество, но младший братишка, насекомое Хепри, беспокойный живчик, кинулся отнимать у брата именно его бусину!

– Но я уже назвал её, я дал ей имя Солнце, – сказал Эрот-Агапия.

– Ну и что? Я хочу играть в твоё Солнце, – раскапризничался Хепри.

Эрот-Агапия согласился – будем играть вместе. А что ему было делать? Или искать мира с несносным ребёнком, или возвратиться вместе с ним туда, откуда они вышли – в Хаос.

Эрот-Агапия вылепил ком из белой глины и пустил его ходить по орбите вокруг бусины Солнца. Глиной снабжал отец Хаос. Это была прекрасная глина – плотная, белая и лоснящаяся. Эстет творил тщательно, и из чистой белой глины создал совершенную планету, сияющую оранжевым в лучах солнца, и назвал её Цитрон.

А живчик Хепри, подражая брату, тоже вылепил ком, но неряшливо. И, оттого что он долго мял прекрасную белую лоснящуюся глину, она стала грязной и серой. Потом Хепри наделал ещё много бед.

ИЕРОГЛИФЫ ЗЁРЕН

Цветка очнулось ото сна с чувством утраты в груди – острым, горьким, пряным и жгучим. Она не поверила Борисандревичу. А Гесиода ещё не читала. Планета Апельсин – её фантазия, не больше, точно знала Цветка этим утром. И апельсинианина нет на Земле, нет нигде на свете.

Она глядела на простыни, испещрённые розовыми фламинго, каждый из которых был одиноким... И не знала, в какую сторону сегодня идти. Неприкаянность слишком потрепала её в чужом дворе и затем на мосту... Обыкновенно на смену жалкому безнадёжному вечеру приходило утро, одобренное догадками о том, где ещё может проходить путь апельсинианина... Сегодня она не знала.

Послушала по радио, что делается в городе. Московские пятнашки: в зоопарке у баранов потомство. Нет, не то. Апельсинианин может прийти в зоопарк, но не сейчас, а когда ягнята подрастут и их станут показывать.

Кометы не появляются на небосклоне, только открываются и освящаются новые рестораны, казино, церкви, да вот ещё памятник Есенину. Праздник пива в Лужниках. Егорушке некуда пойти.

В Ботаническом саду он мог бы сидеть на горке, нюхать воздух, слушать кваканье, стрекотание и рулады всякой живности. Но сегодня его там нет. Цветка знала – сегодня этот сад пуст, как будто внутренним взором видела: на горке расстелено одеяльце в красную розочку, и на нём тщедушная мамаша с поехавшим чулком, сгорбившись, чистит апельсин для равнодушного толстоморденького пупса. Эти – есть. А прекрасного Егорушки нет на свете!

Цветка принялась сажать на балконе растения – Борисандревич попросил. А для Цветки это – очередной случай подольститься к тому, кто учредил лето. Делание любой малости вовремя само по себе обнадёживает, и если удастся хорошо утыкать семенами землю, быть может, это послужит залогом будущего. Может быть, промыслитель, Живчик, взглянет, и ему понравится зелень. И он станет добре к Цветке.

Прежде чем вспороть пакетик с семенами, Цветка прочла расплывчато отпечатанную на нём фиолетовыми чернилами характеристику: «Цветут обильно и продолжительно...» Цветут. Обильно. Продолжительно. Но раз так, апельсинианин должен быть на Земле! Цветку как будто запеленал тёплый ветер, облетающий балконы с добрыми вестями. Она получила письмо от Егорушки, нацарапанное на бумажном пакетике! Цветка высыпала шершавые плотные чёрные горошинки на ладонь и убедилась – он есть. Они-то – вот, на ладони. Егорушка не может не существовать! Они утверждают его существование, потому что чудесны. И реальны!

Она быстро уложила зёрна в мягкую черноту земли, побежала за водой, набрала в бутылку, щедро полила. Бутыль оказалась мала, воды не достало. Побежала опять в ванную, уронила бутылку на кафель... Образовалось три крупных фрагмента стекла, один из них с целеньким горлышком, и зелёное стекло мелкой дребеденью. Дребедень разлетелась по тёмному зелёному кафелю. Крупные осколки Цветка собрала, а мелкие не стала. Ей надо было спешить, догонять Егорушку.

Она сошла с девяти ступеней, полная надежды. Ноги её были свежи, руки отмыты. Дерзкими глазами она озиралась по сторонам. Крохотная, юркая девятнадцатилетняя девочка с рыже-золотистыми кудряшками, с очень белыми ногами в лёгких рыжих босоножках и бледным сосредоточенным лицом. О Егорушке говорил и тополиный пух, нежно щекоча щёки.

ДЕТДОМОВСКАЯ ГРОЗА

Когда оживала надежда, тело тоже оживало, и чувства. Возвращались и боль, и страх. И восстанавливалась память.

Цветка вспомнила, как однажды, о ту же пору, детдом выехал на дачу: каждый воспитанник со своим рюкзаком, оранжевой курточкой, шортами, купальником, двумя футболками, тремя парами трусов и зубной щёткой. Отдельно на грузовике переезжала, дребезжа, посуда, мягко и покорно – постельное бельё, шебуршась – коробки с пластилином.

Среди лета Цветка с Лизой сидели на крылечке детдомовской дачи. У Цветки в руках – большой ком пластилина, им лет по восемь. Они наблюдали, как собирается гроза. Небо вызывающе чернело, гром раскатывался во тьме, воздух темнел.

Такое небо завораживало: Лиза и Цветка в упор смотрели на него. Сначала смотрели молча, потом стали осторожно допытываться друг у дружки – есть ли там, на небе, кто-нибудь. Эта тема витала в воздухе, перемешанная с озоном, – детдомовки и не думали об этом думать. В то время все боги были запрещены в школе и осмеяны – от самого малюсенького домового до Вседержителя.

Правда, была одна нянечка в детдоме, с серым лицом, выпирающим из-под губы передним зубом, зато с очень кроткими спокойными глазками. Она чрезвычайно быстро сменяла и юркала по коридорам – с ведрами, швабрами, всегда в голубом платочке. Однажды эта нянечка остановилась, взглянула на Цветку, всплеснула руками, пожалела её, приласкала, и рассказала, что людей сотворил бог на небе.

Цветка сразу поверила, но её волновало – как же сотворённые на небе дети добрались до Земли? Нянька не знала, но Цветка сама со временем додумалась: бог изготовленных детей бросает вниз, они падают на крыши курсирующих во всех направлениях поездов, а поезда уже развозят младенцев по всему свету. Поезд едет себе – и никому из пассажиров, режущих колбасу или сдающих засаленную колоду, невдомёк, что на крыше путешествуют младенцы. А где-то на станции уже дожидаются родители, встречают поезд. И Галина Петровна тоже – высматривает себе воспитанниц – Ангелин, Изабелл, Аделаид...

Во время грозы обе девочки осознали своё желание – они хотели, чтобы на небе был хоть какой-нибудь бог – но лучше добрый и справедливый, они легко и охотно принимали доводы друг дружки в пользу космического неодионочества. Торжественность, и запретность темы, и таинственность способствовали тому, что детдомовки, благодарные, уже любили неведомую сущность – только за то, что она – есть.

Для Цветки это время было ещё временем уютных ложбинок мира. Уютны казались даже гроза и тёмное небо. Мир располагал к дальнейшему в нём пребыванию. Живчик тогда покровительствовал и Цветке тоже, это же очевидно! Почему он от неё отступился? Ведь они с Лизой говорили тогда – о нём, и любили – его. Или, может быть, всё же другого бога – который добрее, прекраснее, таинственнее? Не тогда ли началось космическое изгнание Цветки? Живчик невзлюбил её за любовь к другому, лучшему богу? Ну а Лиза? Почему она не проклята?

ПЛАСТИЛИНОВЫЙ ПАСС

Сидя тогда на крылечке под оживающим небом, Цветка держала большой ком пластилина – она как раз задала себе грандиозную задачу смешать все цвета, и упорно работала пальцами – но не могла справиться с бесконечностью расползающихся цветных прожилок среди массы уже намешенного серого. Потому что смесь всех цветов дала всего лишь серый. Наконец она заметила цветные прожилки, с которыми сражалась, и они ей понравились – своей бесконечностью и переливами. Она перестала их замазывать. Принялась лепить, и лепка сделалась непредсказуемо-увлекательной как раз благодаря переливам. Цветка поняла, что сделала открытие, и показала Лизе, научила её, как делается волшебный цветной ком пластилина. Лиза тоже слепила...

...Цветка остановилась перед лотком с игрушками. Она пристально смотрела на шеренгу мячиков из пластилина, даже полнотой и круглотой неотличимых от того, который она выдумала и слепила когда-то – вынутых из её индивидуального, никому неведомого прошлого. В девяностых годах в Москве повсюду – на рынках и с лотков – продавали такие игрушки, только Цветкину затею усовершенствовали: делали их из материала, от которого у детей не слипались пальцы.

Продавец – огромный, неподвижный, с каменным рябым лицом, с рыбьими ничего не выражающими глазами, держал во рту неподвижную папиросу, дымок ленточкой висел в воздухе. И про него она расскажет Егорушке.

– Что это? – Цветка сделала робкий жест в сторону своего изобретения.

– Это – мушарики, – процедил продавец.

– Аааа... мушарики, – она совсем растерялась.

Потом набралась храбрости и дотронулась до одного мячика пальцем. Не жирный, не липкий – не пластилиновый. Но полная имитация пластилиновых прожилок.

Цветка поняла, что воплотить её замысел мог только сходно с ней дышащий человек. Один лишь Егорушка на всём белом свете мог почувствовать и найти то же, что и она! Он выдумал эту игрушку под тем же грозным чёрным небом, где бы он тогда ни был, какой бы детский дом ни возвращал его. И теперь, повзрослев, он, единомышленник, метнул ей пластилиновый мяч!

Цветка купила «мушарик». Она стояла у лотка, мяла податливую его плоть, прикидывая, вытянется ли из него фигура Егорушки. Но не для того Егорушка метнул мяч, чтобы она в тоске его мяла, лепила, мяла и опять лепила, выминала из кома его неведомый силуэт. А это так неизбежно и будет, и тоска сделает пальцы неуверенными... Егорушка метнул мяч, чтобы она нашла, наконец, его самого! Цветка пристально разглядывала своё приобретение. Никакой бирки, или этикетки. Никакого адреса. Ничего.

Она решилась прошептать неприступному продавцу:

– Откуда эти игрушки?

– Я только продаю, – продавец не пошевелил губами, но дымок качнулся.

Цветка попятилась от лотка. Искать негде. Но она могла по-прежнему бродить по городу, и, если Егорушка встретится, он узнает её. Вот, у неё в руке – их общее изобретение.

Она нашла место посреди площади, где пересекались несколько привлекательных для Егорушки улиц – две Никитские, Тверской бульвар и ещё их отростки, и всё это стремилось к ней и завязывалось в узел у ножек её скамьи. Она могла нырять взглядом внутрь улиц, но она глядела на ком пластилина, из которого вытягивала фигуру Егорушки. Мяла, лепила, мяла и опять лепила, выминала из кома его неведомый силуэт. В её сознании едва уловимо, неуверенно, но всё же жили его черты.

Он – лёгкий, летучий, тонкий, ломкий, с сухой грацией не плоти, но костей. Она однажды даже видела его – в небе, среди облаков...

Той самой ночью, когда Борисандревич подобрал её на Егорьевском шоссе. Конечно, она не рассказала тогда Борисандревичу, что брела не по шоссе, а пробиралась по припечатанным к асфальту буквам милого имени – к решению загадки бытования чуда на Земле. Е-г-о-р... И, застряв среди этих тяжёлых приземлённых букв, увидела абрис самого чуда...

До темноты той ночи был закат того дня. Множество цветных лоскутов и всполохов в небе. Все эти невероятные краски и очертания сами по себе утверждали существование инопланетянина на Земле. Даже если бы среди них она не увидела его парящую фигурку. Он был похож на парашютиста без парашюта. Он плавно, грациозно планировал, и приземлился где-то за горизонтом... Может, это был и не он. Но ведь земляне не летают без парашютов! Так что её надежда тогда уплотнилась.

И хотя Цветка видела только силуэт, она живо представляла глаза Егорушки – умные, старательные, напряжённо-мыслящие, с морщинками в уголках... И как будто уже слышала, как он долго, ясно, воодушевлённо говорит... Потому что Цветке нужно было напитать не только глаза, но и уши. Он должен быть попросту болтлив! И великодушен. Обычный апельсинианин, но исключение на Земле.

Ну а если тот парашютист без парашюта – не Егорушка? А другой какой-нибудь инопланетянин? Ком пластилина в её неуверенных пальцах сплюснулся... А что, если её Егорушка существует, но он вовсе не прекрасен, на нём печать Земли и её уродства? Может быть, он страшен, как Борисандревич? Великодушие апельсинианина заключено в неподходящие, кривые кости, нет ни грации, ни лёгкости, ни сияющего лица? Тогда её глаза останутся голодными. Егорушка не избавит её от морока Земли, он сам будет в этом мороке. Цветке стало жутко. Такой уже был в литературе – Квазимодо... Логично, ведь Егорушка – землянин. Апельсин-то выдуманная планета. Квазимодо, вот кто её ждёт!

Небо потемнело, стала собираться гроза...

ЯБЛОКО И КВАЗИМОДО

Цветка приплелась к Борисандревичу. Он снова долго не открывал, она сама отперла дверь. Положила на полку несыгравший мяч. Заглянула в комнату... Борисандревичу удобно раскорячился в кресле. По жилистой руке его, от запястья вверх, ползла муха, он наблюдал и улыбался. Потом от мухи отвлёкся, как будто нехотя, и поманил Цветку пальцем, всем видом показывая, что у него есть замечательный секрет. Так после плотного обеда в воскресный день дедушка разыгрывает внуку, семенящую на спичечных ножках. Если бы у Цветки был дед или отец, она бы осознала свой запоздалый порыв детского доверчивого внимания...

Борисандревичу прятал на коленях новый фотоаппарат на ремешке. Она наклонилась, и он оплёл её шею сбруйным ремешком.

– Отличная камера. Фотографируй. Чем так слоняться...

– Спасибо.

– Здесь много всего! Ты сначала снимай на автомате, а когда войдёшь во вкус... Здесь масса художественных возможностей, – громкий полновзвучный голос, никогда ни от кого не прятанный, да и не знающий, зачем прятаться.

Она так и думала – он знает, что она попусту слоняется. И никакого Цитрона нет в космосе. Он шутил с ней, рассказывая про ту него. Квазимодо – вот земное совершенство! Выхода нет. Остаётся делать жалкие, ненужные снимки здешней местности.

Борисандревичу приподнял одну ногу и указал ей на свою гигантскую грязную ступню. Она была перевязана бинтом.

– Зря ты не подмела осколки, когда разбила бутылку.

Ей было безразлично. Что такое его порез, минутное неприятное ощущение, рядом с небытием, на которое обречена она?

А он уже шаркал, прихрамывая, кружил по дому, шумел, готовил ужин. Он был таким живым и здешним, что поддерживал и её, как сыпучую песочную скульптуру, – просто присутствием, телом, непустотой. Хранил в ней жизнь, которую она ненавидела. Даже культивировал – вот, фотоаппарат подарил... угождать Живчику снимками его владений. Глядя на него, она осознавала всё обречённое, что безобразие и бессмысленность – черты этого мира, а красота и одушевлённость – существуют лишь в придуманном. Здесь же они – случайные проговорки, светлячки, которых почти не бывает, такие они редкие и мелкие.

– Попробуй, какое яблоко, небывало вкусное!

Борисандревичу протянул ей яблоко, красно-зелёное, тусклое на стыках цвета. Эта неудачная окраска – диссонанс, в ней яблоневая несостоятельность, болезнь природы. Она осторожно надкусила лишайные крапинки красного – и что же? Омерзительная подслащённая и подгнившая древесина. Они с Борисандревичем разнопланетные существа, у них даже вкусовые рецепторы устроены по-разному! Они видят разные миры: поверенный в делах – один, потерянная швея – другой. А как оно целостно, как обнадёживающе целостно – это яблоко, – гадкое по виду и по сути!

Так уже было, вспомнила она. Это всего лишь повтор. Однажды она купила пенку для волос – ради брэнда стерпела безвкусно оформленный – едко розовый с бестолковыми золотыми и чёрными буквами – баллон. Да, конечно, пенка оказалась мягкая и пухлая, но наспигованная ароматом того же вида, что буквы на баллоне. Егорушку испугал бы такой запах: пришлось выкинуть.

Цветка притихла с уродливым яблоком в руке, успокоенная его цельностью – безобразием и невкусностью. Квазимодо – литературный герой. Придуманный. Если существует на свете невероятный человеческий абрис, то и суть его невероятна. Если дышит где-то над лесами и лугами одинокая душа Егорушки, то и абрис его прекрасен! В тот вечер, когда Бори-

сандревич подобрал Цветку на шоссе, она видела именно Егорушку, а не случайного парашютиста без парашюта! Это его тонкая фигура мелькала среди обрывков облаков. И даже длинные пальцы она видела. Он медленно парил, плавно двигая одной рукой, в которой держал что-то наподобие белой шляпы с кучей перьев: они сияли оранжевыми всполохами солнца и развевались. Фигура трепетала в весеннем сладком ветерке, и перья трепетали.

И Апельсин, возможно, существует! Там всё совершенно. Апельсинианин Егорушка прекрасен и великодушен. Это он спланировал со своей планеты – кто же ещё, – она же видела шляпу с перьями в его руке!

– А я вычитал кое-что про Цитрон у Гесиода. Тебе интересно? – спросил Борисандревич.

Цветка встрепенулась. Он взял толстую книгу, раскрыл на аккуратно заложённой странице и принялся декламировать стихи:

...И в небе увидели люди два солнца.

Второе теплее и ярче, подобное плоду Цитрону.

И люди, в лучах его греясь,

Совсем истомились, наполнились негой и заговорили

Умильно, как будто отведав нектара и мёда.

Но солнце второе пропало, оставив землянам

Поблекший шар Феба, и это преданье

О дивном неведомом боге, оранжевый глаз

Отворившем на миг...

– Любопытно, правда?

– Я не поняла! Вы говорили, его невозможно увидеть!

– Насколько я понимаю, люди стали свидетелями незаурядного явления... Гесиод приводит старые стихи, а стихами, в свою очередь, описывается событие уже древнее... Уже тогда люди знали о Цитроне.

– Откуда они знали, как он называется?

– Имена предметам, да будет тебе, Цветка, известно, всегда дают люди. Увидели незнакомое небесное тело, показалось похоже на апельсин, «цитрон» по их, назвали. Поняла? Это греки, те, что были древнее древних. А каждое племя нарекло планету «апельсином» на своем наречии. Видели-то все.

– Как это?

– Да так. Прибежали с прогулки напояженные египтяне, и орут так, что у мамы-египтянки уши закладывает: «Мы видели большой светящийся апельсин на небе!» Если Египет уже был на Земле... Я забыл, надо же! Надо посмотреть – был ли Египет? – Борисандревич потянулся за томом. – Прибежали одетые в овечьи шкуры детёныши диких кочевников в шатры на другом краю Земли, и орут то же самое! Только не про апельсин, а про что-то такое, что они выдели, в небе! После этого и мифы стали возникать о Цитроне. Присочинять стали всякое, например, о его происхождении, о боге с оранжевыми глазами... Это чуть ли не Эрот – потом присочинили... но сначала должны были увидеть!

– Дайте мне эту книгу! – Цветка бесцеремонно вырвала толстый том из рук Борисандревича.

Он усмехнулся, поправил бинт на ноге и громогласно запел.

«У ЧЕХОВА»

Лиза Голубкина работала в маленьком ресторане «У Чехова» около метро «Чеховская».

– Что, Чехов много кушал? – спрашивали посетители и подмигивали.

Лиза тогда присаживалась за столик любопытного, расстилала перед ним меню и перечисляла, что кушал Чехов. Хозяин нарочно консультировал свою команду на предмет ответа на популярный вопрос. Следовало говорить, что меню составлено в строгом соответствии со вкусами классика. Но многие из посетителей не задавали популярный вопрос, так как думали, что Чехов – фамилия хозяина, хотя фамилия его была Овсов.

Цветка зашла с чёрного хода, сказавшись: «К Голубкиной». У неё нещадно ныли ноги. На шее – сбруя, на которой висел фотоаппарат. Лиза усадила её на стул в преддверие кухни. Валил пар, стучала посуда, шаркали туда-сюда официантки.

Все здесь служили Живчику. Вершили сложный ритуал, дело, непостижимое для Цветки, как и другие многоэтажные громоздкие человеческие построения...

Инопланетяне, выбиваясь из сил, строили железные дороги, самолёты, целые Байконуры, города, автомобили... Японки собирали микросхемы, хакеры захватывали города, художники создавали невероятные картины. Люди сочиняли музыку, прыгали на мотоциклах, готовили немислимые блюда...

Цветка неспособна была принимать во всём этом участие. Когда она бралась помочь Борисандреичу с ужином, например порезать зелень, её тяготила необходимость вымыть сначала все маленькие зелёные завитки листьев и смотать тонкую, цепкую, крепкую ниточку со стебельков. Пучок зелени приводил её в смятение. Она очень редко прикасалась к кухонным принадлежностям. И в то же время это казалось соблазнительным, как всё то, что Живчик позволял своим тварям, но не позволял ей. Иногда ей даже хотелось сделать какой-нибудь фотоснимок.

Цветка предвкушала: когда её скитания закончатся, она тоже сможет участвовать в многосложной жизни людей и заниматься обычными человеческими делами, – но закончатся они не ранее, чем она найдет искомое, преодолеет проклятие Живчика – и сфотографирует своего Егорушку. Вот для чего она таскала с собой тяжёлый фотоаппарат.

Лиза перевела дух и опустилась на стул рядом с ней.

– Ну что ты, как ты? – торопливо спросила она.

– Ходила сегодня много, ноги болят.

– Что ты мотаешься, как коза, ты могла бы спокойненько ездить на авто!

Цветка посмотрела с недоумением.

– Что рот раскрыла? Ведь Борис разрешил бы тебе на своих старых «Жигулях»? У него же теперь новый «Форд»?

– Не знаю, это меня не касается, – пожала плечами Цветка.

– Что же тебя касается?

– Меня касается то, что ничего настоящего нет. Вся жизнь – одно ожидание. И даже лучшие минуты, почти счастливые, – это когда как будто держишь в руках живую надежду. А настоящего ничего нет.

На кухне лязгнуло и загрохотало. Теперь Лиза глядела удивлённо. Выругалась, побежала, вернулась.

– Есть реальные вещи! – заявила она. – Которые приносят удовлетворение! Автомобиль, например! Облегчает жизнь! И ты могла бы... а ты не пользуешься.

Лизе приходилось быть всех расторопней и безотказней, иначе Овсов не потерпел бы формы её щек и губ. А ей нельзя было возвращаться на швейную фабрику. Цветка знала, что Лиза ищет мужа – у себя в ресторане и в ночных клубах.

– Раззява ты, Светка. Ты могла бы прямо в туфельках и вечернем платье – в автомобиль. И в ночной клуб, и – танцевать. Денег-то до хрена. Борис широкий такой. Вон какой фотоаппарат у тебя на шее. Смотри, чтобы голову не открутили в подворотне за такой. А ты не ценишь! Не пользуешься!

Давно, в начале пути, Цветка побывала в ночном клубе. У тамошних лица были негодные, обезображенные выражением. Тёмное, морщинистое, спокойное лицо Борисандревича казалось лицом мудреца рядом с их лицами. Цветка поняла, что в ночной клуб её Егорушка не заглянет никогда.

Сатурния луны – бабочка – всю свою жизнь, две недели, ищет пару, и не ест. А если не найдёт, так и останется без любви, и умрёт обездоленной и голодной. Лизе нужен муж: «состоятельный», чтобы содержал семью – умноженную Лизу, Лизу в квадрате и в кубе, клонированную Лизу в памперсах, Лизу с миксером, Лизу на фоне моря... всех Лиз; «хозяин в доме» – чтобы кафель при нём не смел осыпаться, рамы – сохнуть, лампочки – сгорать; страстный, лакированный и нежный – чтобы как в бразильском сериале: «Ну помнишь, этот...»

Лиза непохожа на сатурнию луны. Но, несмотря на свою приземлённость и практичность, ищет выдуманного героя. Обидно за неё и смешно. Лиза, опомнись! Лиза, так не бывает. «А ведь и я такая же, – с внутренним содроганием догадалась Цветка, – я удивляюсь её наивности, а сама тоже ищу человека, которого, может быть, и нет на Земле. Совершенного, как прекрасное яблоко. Инопланетянина. Я похожа на сатурнию, так же, как Лиза, мы обе в положении безнадёжном...»

– А ты слышала про жокея Жоржа Крылатого? А конь у него – Эрот? Он выиграл миллион! Он вообще всегда побеждает! Потому что весит мало, как ребёнок. А все женщины падают.

Лиза ткнула Цветке под нос заляпанный сразу всем жирным богатством чеховской кухни журнал под странным названием «Гоп-ля», на обложке – фотография маленького всадника на рыжем коне, вдали трибуны... Всё это было Цветке неинтересно, далеко от неё... Там кто-то преодолевает страх и слабость, добивается успеха и славы, получает призы от Живчика... А ей нужен только один человек на свете, а его, может быть, и нет.

ГНУСНЫЙ БЕКАР

У Борисандревича – куча родни. Семьдесят семь братьев, бывшая жена и сыновья. И – огромная ревучая моторная лодка. В середине июня, когда небо зазвенело от синевы и одуряюще запахло травы, он повёз родню кататься. На бережку водохранилища компания привалилась и принялась со знанием дела жарить шашлык с помидорами.

Цветка ушла бродить. На шее у неё болтался тяжёлый фотоаппарат. Нет, она не надеялась найти Егорушку среди рыбаков. Впрочем, может быть... Она шла и глядела на воду – муар, растёкшееся серебро. На холмы, ловко вылепленные великаными пальцами. На нотные станы деревьев. Высокие стройные ёлки – четвертные, а вязь корявых сосен – восьмые, шестнадцатые...

Она легла на траву. Небо уже расцвело перед сном и висело опрокинутой голубой полусферической посудиною, стоящей под рукой художника – он где-то там живописует картину в пастельных тонах. Излишки пастели удаляет ватками. Ватки сбрасывает в голубую чашу. Получаются цветные облачка.

Изумрудный пригорок. Небо, листва, облака. Голубое, зелёное, розовое. Вот он – среди бесконечной аморфной массы зияющих вопросов – ответ. Всё так по-эстетски выделано, надёжно, совершенно! «Зачем же Живчик безобразничает, ведь может, ведь умеет!» – с горечью подумала Цветка.

Она почти почувствовала покой. И даже взялась за фотокамеру. Но снимок делать не стала. Твердь ответа и покоя была близка, но недоступна. До подлинности не хватало одной ноты, штриха, маленького ключика или подписи творца? Почувствовать подлинное – здесь, сейчас быть настоящей, живой – это значит сбыться. Это значит – душа не сжатый безвоздушный шар, не застывшая мёртвая морщинистая тряпочка. А шар, наполненный дыханием Егорушки. И кругом – покой, чудесный этим голубым, этим зелёным, этим розовым. Его дыхание, его присутствие на свете, послужит свидетельством подлинности, подписью творца. Возможно, он близко, он – рыбак?

Кто-то так выдумал Цветку, так устроил её душу – неспособной воспринимать мир непосредственно, а требующей доказательств подлинности.

Топча мерзкими лапками её нежный белый лоб, комар воткнул жало и стал наполнять брюхо её кровью. Содрогнувшись от отвращения, Цветка очнулась – исчезло всё: небо, листва, облака, вместе со всеми музыкальными построениями, оттенками и сияниями. Бекар. Мир резко поблек. Бездарная нечисть, слепая и бездушная, уничтожила надежду.

«Да здесь пусто!» – вспомнила Цветка. И побыстрее пошла прочь. И затерялась среди толпы родни Борисандревича со своим шампуром шашлыка с помидорами и луком.

Когда плыли обратно, Цветка думала только о том Гесиода, уже ощущая в тоскующих пальцах плотный картон обложки. И недоумевала, как могла до сих пор не заглянуть в эти спасительные бледные, тяжёлые страницы, где рассказывалось о планете вроде Апельсина. Только назывался Апельсин Цитроном. Жадно вырвав тогда книгу из рук Борисандревича, она положила её себе в изголовье. И принялась опять хаотично бродить, вместо того, чтобы читать...

В отличие от выдуманного ею самой Апельсина, Цитрон как будто действительно существовал... По крайней мере, в сознании многих древних людей. И это кроме того, что его возможность предполагали учёные! Так, может быть, правда? Может быть, Цитрон – и есть Апельсин, тот самый, созданный специально для людей? И Цветка его не выдумала, а просто догадалась, что он есть?

Но если и так, как Егорушка спрыгнет оттуда на Землю? Нельзя же, в самом деле, летать без космического корабля или парашюта! Значит, он никогда не спрыгнет! И не собирается! А гуляет себе по Цитрону да насвистывает, и даже не знает о Цветкином существовании, о её

прозябании на Земле! И если когда-нибудь он и посетит Землю, то ждать этого события ещё невесть сколько, может быть, тысячи лет... А Цветке прожить единственный день без него стоит непомерных усилий.

Когда возвратились домой, опять не заглянула в Гесиода. Она вернулась вялая, бессильная, с трудом нашарила взглядом заветный том, но в руки не взяла. Он казался очень тяжёл. Легла, отвернулась к стене, зажмурилась и не открывала глаз весь вечер. И когда толпа родственников отваливала, тоже не открыла глаз.

Ночью душевная боль усилилась, напали чудища, стали душу скрести, полоскать, выкручивать и на бельевую верёвку подвешивать, прищепками прищёлкивая. Борисандревич спал, а его сонного тепла злобные твари не боялись. Согбенная Цветка выползла из постели, поставившая, в темноте сгребла со столика том и босиком поплелась в другую комнату, на холодный диван, читать. Чудища висели пиявками на обескровленной душе.

ПРАКИНО

Она прочитала о том, как Хаос родил Эреба-мрак, Метиду-мысль, Эрота-Агапию-любовь и Хепри-насекомое. (Ей сразу же сделался симпатичен Эрот-Агапия, потому что драгоценнее любви ничего нет и быть не может на Свете. И до чего же странно, что любовь всё же возникла из Хаоса!) И о том, как Метида просыпала бусины, и одна из них стала Солнцем. А Эрот-Агапия и Хепри вылепили каждый по глиняному кому и пустили ходить по орбитам вокруг бусины...

Значит, у бога любви есть целая своя планета! Которая находится как раз там, где предполагают учёные – по ту сторону Солнца! Это и есть Цитрон, который однажды увидели земляне и сложили стихи: Цитрон, о котором предполагают учёные! Пиявки отвалились. Было уже не так больно.

У Хаоса – самые разные исчадия, на то он и Хаос. Есть прекрасные, есть жуткие и жутчайшие. У Хепри восемь тонких лапок, членистое пузо, усики, твёрдый хитиновый панцирь и хитиновые челюсти. Он – страшнее всех насекомых на Земле, и куда страшнее своего земного подобия – жука-скарабея. Если Хепри явится людям, их охватит ужас. Но Хепри никогда не показывается. У него есть причины прятаться...

А когда Эрот-Агапия появляется, люди видят сияние! Потому что он – глиняный, почти круглый. А глиняные боги блестят и лоснятся. Глина их тел никогда не обжигается и не высушивается, она всегда влажна и упруга, как человеческое тело.

Ком белой глины, который скатал себе Эрот-Агапия, вначале служил ему местом для прогулок и сна... Он назвал свою планету Цитроном.

«Да разве этому можно верить? – усомнилась Цветка. – Откуда Гесиод знал, что делал там, на своей планете, Эрот-Агапия? Как он мог подглядеть? И не он же её назвал, а люди! Да это же просто мифы, догадки, архетипы, вылезшие из мира подсознания в мир слов!.. А может быть, это – изначальное знание людей? Может быть – правда?! Ведь и она догадалась об Апельсине ещё в детдоме! И почему творец не мог назвать свою планету так же, как потом люди?»

Цветка сама не заметила, что уже не думает стонать, а, очень уютно свернувшись на диване, водит белым пальчиком по странице.

Эрот-Агапия разукрасил Цитрон растениями – хвощами и папоротниками, липами и баобабами, пальмами и орхидеями, маками и ромашками, – каждое из растений было совершенно и вечно, декоративно и ароматно. А между тем их создатель оставался одинок в Космосе среди кровной родни, непохожих на него исчадий Хаоса... Ему нужно было слепить себе подобных.

Эрот-Агапия создал людей-андрогинов: изготовил их из белой небесной глины, но помягче, чем та, из которой произошёл сам. Их необожжённая плоть так же блестела, как его. Все они были его подобиями, бесполоыми и совершенными, а называл он их «другими». Потому что они были как он, но другие.

«Откуда впоследствии и произошло слово „другья“. Очевидно, цитронный язык и есть тот праязык, от которого взяли начало все остальные языки», – поняла Цветка.

«Другие» оказались так похожи на своего творца и между собой, что одинаково ходили и летали, у них даже были одни и те же мысли и желания. Тогда Творец догадался варьировать их черты и формы. Фигурки всё более разнились, и, наконец, «другие» стали действительно другими – и даже начали удивлять своего создателя неожиданными вопросами и затеями. С тех пор тысячелетиями белая небесная глина нежила пальцы Эрота-Агапии – он лепил себе друзей.

«Потом этот эстет, должно быть, стал лепить их из пластилина. Наверняка ему понравился пластилин. Может, это он его и придумал. Прапластилин. Может быть, это он подсказал Егорушке, как слепить мушарик. И мне!» – фантазировала Цветка.

Забот у народа Эрота-Агапии не было, а одни только приятные хлопоты. Народ жил в безмятежности, но не в праздности – он читал Книгу Жизни. Он познавал радость, любовался миром, занимался искусством.

Цитронаты не пребывали в мучительном невежестве относительно причин мира и собственного назначения, не было на Цитроне мрачной роковой загадки бытия, потому что не было болезней и смерти. Эрот-Агапия всё делал тщательно и прочно, его поделки не ломались и не портились от времени.

«А ведь я об этом догадывалась, – вспомнила Цветка, – вот именно так всё себе и представляла, как будто знала! Над вопросом о страдании бились настоящие философы, и они решили, что без зла не было бы и добра, – думала Цветка. – Я не философ, но мне кажется, зло отвратительно и не нужно. Страдания не возвышают, а унижают, причём безмерно. А добро прекрасно само по себе... Добро – это полновесный мир, а зло – вред и порча мира. Добро – настоящая жизнь. Добро – это и есть мир, где всё правильно смонтировано и слаженно. А философы... они придумали необходимость страдания в утешение страдающим людям».

...А так как у цитронного народа не было загадки бытия, земных, известных людям искусств, тоже не было. Тех, чьи корни произрастают из тоски и извечной тайны. Неоткуда было им произрасти на Цитроне! Вовсе не было литературы, искусства богооставленности. Цитронаты видели своего создателя, могли разговаривать с ним, и даже дотрагиваться до него – никаких вечных вопросов, одни ответы!

Искусство было безмятежно. Андрогинны наслаждались творчеством так же, как их творец. Их прекрасный мир служил источником вдохновения, и они его воспевали. Плоды их искусства не были вещественны. Музыка, повисев в воздухе, исчезала. Так же и живопись. Музыка создавалась без инструментов, была заложена в естество цитронных людей, как в естество земных людей заложены пение и танец. Живопись цитронатов создавалась без основы и красок, кистей и прочих принадлежностей – одной силой воображения.

«А архитектура? Без пульманов, ластиков, бульдозеров и подъёмных кранов? – представила Цветка. – Получается, на Земле здания возводятся таким каторжным трудом, а музыка производится с помощью инструментов просто по причине несовершенного устройства земного человека. У землян мало возможностей, им приходится пользоваться многочисленными предметами и инструментами. На Земле бывают люди-арфы и люди-флейты, люди-контрабасы, люди-трубы, люди-гитары, люди-рояли и люди-автомобили, даже люди-грузовики и люди-подъёмные краны, – додумала Цветка. – да это же просто кентавры! Кентаврическая цивилизация!»

А на Апельсине всей промышленностью занимается демиург Эрот-Агапия. А люди пользуются его изделиями. Землёй, домами, своими собственными способностями. И наслаждаются.

...Зримые и слышимые образы, которые растворялись в воздухе и появлялись из него... Которые можно воспринимать, но не осязать... Цветка поняла, что Гесиод пытался описать искусство кино. Прообраз кино, оказывается, – невещественные, бесплёночные ролики цитронатов, плоды их радостной фантазии. Пракино цитронаты крутили силой воображения прямо в цитронном воздухе! Только, судя по описанию Гесиода, пракино было более синтетическим искусством, чем его подобие на Земле. Земное кино против цитронного – как пишущая машинка против компьютера. Кроме картинки и звука, в нём жили ароматы и дуновения, осязание и вкус, тепло и прохлада, пространство, свежесть, прозрения.

Но Эрот-Агапия великий бог не потому, или не только потому, что создал совершенный мир. Он изобрёл дружбу и любовь. Его мир зиждется на дружбе и скреплён любовью. Да, конечно, теперь кажется, всё просто! Мир удобно облегает цитронатов, и они этот мир любят. Никто там не имеет изъяна, поэтому они дружат. Вместе вкушают небесную манну и смот-

рят кино. Но такой закономерной и естественной любви-дружбы не было во Вселенной, пока не существовало Цитрона!

Хаос не любил своих детей. А дети Хаоса... Эреб качался на месяце-люльке, Метида вертелась перед зеркалом. Каждый был сам по себе. И от грусти одиночества Эрот-Агапия изобрёл дружбу, слепил себе друзей-андрогинов. А потом его озарило: он создал любовь, осторожно разделив андрогинов надвое... Получились половинки – двойняшки с единой душой и мягкими животами. И эти двойняшки стремились друг к другу, и каждый стал любить другого как самого себя. И сильнее, чем себя. Любить и походить другого, и его инакость, и тот же самый сияющий совершенный мир, Цитрон, но через его глаза – как через увеличительные линзы...

На Цитроне всё происходило не так, как об этом повествуется в страшных земных мифах. Люди-половины никогда не теряли друг друга, напротив, не расставались. Не могли расстаться.

Прочитав об этом, Цветка поняла, что она, скорее всего, тоже из этих разделённых цитронатов-андрогинов... Только она потерялась... Потому что не приспособлена существовать без своего Егорушки, совсем не приспособлена! Для неё мука – каждая минута одиночества, она – часть, а не целое. Вот почему она всегда ощущала себя инопланетянкой на этой Земле...

Половины андрогина получились неровные – на одной зазубрина, на другой зубчик. И творческие способности, воображение и фантазия тоже было поделено неровно. У одной половинки оказались краски, у другой – основы под них. У одной – струны, у другой – смычки. Таким образом был разделён и весь творческий арсенал. И получилось так, что творить половинчатые люди могли только воссоединяясь. Любовь и творчество стали для них единым переживанием.

На цитронных просторах появился жанр любовного пения... Но не романсы, а дуэты! Цитронаты крутили свои ролики и свою любовь прямо в просторах цитронного неба. Их фильмы – вместо печального земного катарсиса – завершались космогоническим оргазмом, который и являлся прозрением сути вещей. Их эротическое творчество являлось хвалой Эроту. А оттого, что они, летая, пели, родилась земная легенда об ангелах, парящих в небесах и поющих хвалу Создателю.

Эрот-Агапия-креативщик творил и творил, казалось, создавать можно бесконечно – как черпать из бездонного резервуара живую воду. Фантазия его умножалась, красота в его руках приобретала новые образы и грани, совершенство разнообразилось.

Эрот-Агапия был тогда безмятежен, как и его народ. А народа кривобокой вопиющей безобразией Земли до времени не было во Вселенной, как и эстетики безобразного.

СОВЕРШЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

У районной библиотеки припарковался породистый кабриолет. Водитель, лёгкий и грациозный человечек в костюме жокея, направился напрямик в библиотеку. За ним влетела тучка тополиного пуха. Он ступил шаг и оказался по щиколотки погружен в пух. Холл был нарядный, с креслами и зеркалами, но всё занесено тополиным пухом, как снегом. Недаром на дверях висело объявление: «Требуется уборщица». Он стал подниматься по лестнице, а пух летел вниз, по ступеням, навстречу, овеивая блестящие сапоги. Это так наглядно! Нет уборщицы, и пух некому вымести. Жокей усмехнулся. Пух полез за шиворот, защекотал щёки. Жокей, дуя на пушинки, шагнул в зал, где среди книжных шкафов подрёмывала библиотекарша.

Услышав шорох тополиного пуха, она помотала головой, открыла глаза и воззрилась на необычного читателя. Терракотового оттенка куртка, белые штаны, чёрные блестящие сапоги с наружными молниями. Элегантная маленькая светлая шляпа с целой копной белых перьев – перья шелковистые, мохнатые, похожие на страусиные. Но основная странность читателя заключалась не в костюме! Главное, что его отличало, – какая-то неземная лёгкость. Он ступал пружинисто, а то и вовсе скользил, как если бы явился не в сапогах, а на маленьких, незаметных роликах.

Читатель скользнул к конторке библиотекарши и попросил журнал «Гоп—ля». Он просил, как, наверное, никто и никогда здесь: не извиняясь, не понижая голоса, не скучно апатично, а ясно и воодушевлённо, как будто библиотекарша с бейджиком на груди («Таисия Алексеевна») не могла испепелить взглядом или словом, поставить на место официальным тоном, как будто вопрос о журнале был бесконечно интересен и для неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.